

ЮБИЛЕИ

И НЕВОЗМОЖНОЕ ВОЗМОЖНО...

Началось с... провала. Само-го настоящего. А как еще можно назвать ситуацию, когда на премьере у Утенка на глазах у переполненного зрительного зала отвалились клюв и лапки?

— А со сцены я все-таки не ушла, — смеется Людмила Алексеевна, — жалко стало: ведь столько репетировали! И знаете что? Зрители подумали, что все это специально, что так и надо. Так, между прочим, всегда бывает, если не растеряешься...

Да, в театре существует множество особенных, театральных «примет», превращающих неудачу в счастливую случайность.

Сколько жизней можно прожить за сорок лет на сцене, жизней - ролей? Даже если в год, в сезон, только по три-четыре новых работы... Остались рецензии, фотографии. Любимейшие: афиногеновская Машенька, озорной и мужественный принц Далихьяр («Будьте готовы, ваше высочество!» Л. Кассила), Верочка в горьковских «Последних», розовская Нюра («В день свадьбы»), разные настолько, что слышишь их голоса: звонкий и веселый хриплый, как у заправдавшего мальчишки, голос принца; низкий, уставший от речей — Нюры, месткомовского работника; захлебывающийся смех Машеньки... Дело тут не в костюмах, гримах и париках, с каждой из фотографий смотрят разные глаза. Глаза людей, не похожих друг на друга.

И в этом, я уверена, не усомнятся те, кто видел заслуженную артистку РСФСР Л. А. Вельяминову: хотя бы раз на сцене Омского театра юного зрителя имени Ленинского комсомола. Попробуйте-ка представить сошедших вместе ее героинь — знающую себе цену, пожалуй, даже надменную столичную актрису Ксению («Репетитор» Г. Полонского), которой придется беседовать с провинциальной неглупой, но по-женски тяжелой (ишь тетей Груней («Кто это? Диззи Гиллеспи?» Л. Петрушевской). А с ними рядом олицетворение вечной правоты — директор школы Елена Ивановна из «Свободной темы» Р. Чехидзе. О чем говорить ей с «дон Кихотом в юбке» — а именно так играет Вельяминова в нынешней премьере ТЮЗа по пьесе Г. Мамлина «Салют «динозаврам!» Анну Андреевну Воскресенскую. Надо видеть, каким вихрем врывается она в квартиру к двоюродному внуку Ваське (А. Прохоров)! А во втором акте ничего не стесняющийся тюзовский зал отреагирует на бабушкино отношение к Васькиной драке непосредственно и точно: «Ну, она сейчас все во дворе разнесет!».

Разные глаза, разные походы: разные люди... Не отсюда ли это не из глубин детства — когда к бабушке Леокандии, портнихе из «самой Варшавы», приходили клиенты, и не было для будущей актрисы лучшей игры, чем представлять их, — сидеть, ходить, разговаривать

так, как только что ушедшая заказчица. Получалось похоже и смешно... Значит, исток — в детстве?

— Пожалуй, нет... — задумывается Людмила Алексеевна.

Что ж, верно: играют «в театр», танцуют и читают стихи в детстве чуть ли не все, актерами становятся единицы. Тогда — счастливый случай?

И да, и нет. Да — потому, что он действительно был. Война забросила новосибирскую семью, от которой, как почти от всех в те годы, остались одни женщины — бабушка, мама и Люда — в Тару, где существовал тогда (многие омины не знают этого) Тарский городской драматический театр. С него, кстати, начинал и Михаил Ульянов, посвятивший в своей книге «Моя профессия» слова самой глубокой и искренней благодарности его первому режиссеру и учителю Евгению Павловичу Просветову. Именно он, Просветов, пригласил восемнадцатилетнюю студентку педучилища Людмилу на роль Аниски в «Нашествии» Р. Леонова.

Это было чудо. Во всем, начиная с самого слова «актриса», — так было написано в трудовой книжке — до пайка, который был выдан ей наравне со всей труппой.

Аниска, Аня в «Вишневом саде», Луиза Миллер, Агничка в «Не все коту масленица» — Островского. Все — как полет, на одном дыхании юности, перестраченной энергии. И первое «сопротивление» материала: Липочка из «Банкрота» (совсем «не-я»: жадная, безжалостная, циничная). Сколько

слез стояла она, сколько «репетиций» наедине с собой, после репетиций с Просветовым. Но зато — какое торжество, когда из зала в конце спектакля Липочке крикнули: «Гадина!».

Липочка, именно Липочка, и дала понять наслаждение становиться не собой, другим человеком. А за этим открытием было новое: Ксения в «Разломе», давшая молодой актрисе ощущение прелести контрастов, человеческой сложности и неоднозначности.

Менялись города, сцены... В Дзержинске пошли роли мальчишек, не вообще — «просто» мальчишки — на одно лицо («Просветов учил: каждая роль — характерная»), а те, на которых насмотрелась будущая воспитательницей в Тарском детдоме: трудные, взбешенные войной, колючие и добрые, подбрасывавшие ей, самой молодой, «училе», печеную картошку, добытую неизвестно где. Работать было невероятно интересно — хотелось, чтобы никто не догадался, что играет женщина. И однажды, на выезде, уже после «Дона Сезара де Базана», где она играла верного слугу героя, мальчишку Ласарилью, услышала жалостливое: «И мальчишка-то вы с собой по ночам всегда таскаете?». У этого мальчишка трое детей! — засмеялись актеры и получили новый, такой естественный вопрос: «А кто ж у него жена?».

...Да, трое: сын и две дочери, и младшая из них, Катя, актриса того же ТЮЗа, выбравшая материнскую дорогу. «Только не из-за меня, — говорит Людмила Алексеевна, — я никогда не соблазняла театром, она знала, как бывает трудно. И вспоминает Катини слова: «Уж если трудно, так пусть лучше — в любимом деле».

Людмилу Алексеевну оно спасало от многого. Дело и еще, пожалуй, стихи, вторая любовь: открытые в Таре Есенин и Маяковский, блоковская «Россия». «И невозможное возможно, дорога долгая легка...». Стихи, давшие силы для работы, для того, чтоб пережить личную драму, чтоб встретить в Иркутском ТЮЗе вторую творческую юность, играя в утренних спектаклях мальчишек, а вечером, с той же отдачей — своих ровесниц: розовских матерей, розовскую Нюру, ставшую одной из любимейших и сыгранную «просветовски», от противного, от непоколебимого «Ни за что не отдам!» до пронзительного «Отпускаю!».

«Актриса редкой работоспособности. Для меня это многое значит», — говорит о ней главный режиссер ТЮЗа М. Я. Кольцов. Такого же мнения о ней и совсем молодые режиссеры, впервые встретившиеся с Вельяминовой в спектакле «Салют «динозаврам!» — выпускница Щукинского театрального училища Татьяна Вейцель и Сергей Рудзинский. И добавляют: Татьяна — о том, что считает роль Анны Андреевны прямым попаданием в человеческую индивидуальность актрисы. Сергей — о ее качестве быстрого и безукоризненно выполняющего любую поставленную задачу.

...Разные роли — главные и не самые главные, большие и совсем крошечные, в три реплики. Кого-то зритель видит на сцене час, кого-то — минуту. Ох, как легко при этом растравить самолюбие. Однако...

Верно, верно, — улыбается Людмила Алексеевна. — Но знаете, к чему приходится? Ведь каждая роль — это чья-то жизнь, правда? Она темна до твоего выхода на сцену, продолжается после, и всегда нужно помнить об этом.

Н. КОЗОРЕЗ.
Фото А. Корнева.